

Обсуждая вопрос о взаимоотношении больших социальных групп, обычно ставят вопрос о диалоге, взаимной терпимости при сохранении качественной определенности, самобытности и макрогруппового (этнического, конфессионального) самосознания. Это обосновывается ссылкой на разнообразие и «совокупное культурное богатство человечества».

Данная точка зрения была отчетливо выражена и в ряде выступлений на VIII Международных Лихачевских научных чтениях в 2008 году². Так, академик А. А. Гусейнов утверждал: «Культуры (в какой бы — этнической, религиозной, социально-исторической — определенности мы их ни рассматривали) конституируют себя через противопоставление друг другу, через отношение “мы–они”. Одна культура смотрит в другую не для того, чтобы считаться с ней, найти себя в ней, а для того, чтобы отличить себя от нее, противостоять ей»³.

В данном докладе представлена попытка показать, что ориентация на сохранение разнообразия и идентичности макрогрупповых культур сегодня уже несвоевременна, и защитить позицию, которую А. А. Гусейнов справедливо назвал *космополитической*. Она остается у нас крайне непопулярной, а потому для ее обоснования я прибегну к соображениям, почерпнутым из исторической социологии, психологии, а также синергетики и теории систем. Тезисно обозначенная здесь аргументация развернуто изложена в монографии «Антропология насилия и культура самоорганизации» (М., 2008)⁴.

1. Согласно синергетическому определению общество представляет собой неравновесную систему особого типа, устойчивость которой обеспечивается искусственным опосредованием внешних (с природой) и внутренних отношений. Совокупность опосредующих (антиэнтропийных) механизмов составляет *культуру* в единстве ее материальной и духовной ипостасей.

По законам термодинамики жизнедеятельность устойчиво неравновесной системы сопряжена с разрушениями среды, служащей источником свободной энергии, необходимой для антиэнтропийной работы. Поэтому все процессы в такой системе *нелинейны*. В частности, монотонное наращивание антиэнтропийных механизмов накапливает изменения в среде, которые угрожают дальнейшему существованию системы: поработанные прежде механизмы

¹ Главный редактор журнала «Историческая психология и социология истории», главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ (Москва), доктор философских наук.

² Диалог культур и партнерство цивилизаций : VIII Международные Лихачевские научные чтения, 22–23 мая 2008 г. СПб., 2008.

³ Там же. С. 66.

⁴ См. также: Назаретян А. П. Смислообразование как глобальная проблема современности : синергетический взгляд // Вопросы философии. 2009. № 5.

А. П. Назаретян¹

ИДЕОЛОГИЯ VERSUS ЦИВИЛИЗАЦИЯ?

становятся контрпродуктивными, то есть чреватými противоположным эффектом — катастрофическим ростом энтропии.

Действие закона эволюционной дисфункционализации прослеживается во всей истории биосферы: ее сопровождали локальные, региональные и глобальные кризисы, спровоцированные собственной активностью организмов, популяций и биоценозов. Обострение кризисов такого рода (в синергетической модели они называются *эндо-экзогенными*) влечет за собой фазу полифуркации: если нет возможности сменить среду обитания, система либо разрушается, либо вырабатывает новые антиэнтропийные механизмы с более высокой удельной продуктивностью (объем полезного эффекта на единицу разрушений). Последнее всегда требовало возрастающей сложности и «интеллектуальности».

Именно кризисы служили творческим импульсом для развития сначала биосферы, а затем и общества. Добавим, что шанс системы на спасительное обновление во многом определялся *избыточным разнообразием*, накопленным в относительно спокойной фазе и служившим ресурсом для новых стратегий жизнедеятельности.

2. На прасоциальной стадии эволюции эндо-экзогенные кризисы приобретают характер *антропогенных*. Используя искусственно заостренные галечные отщепы (чопперы), *Homo habilis* нарушили *этологический баланс* между естественной вооруженностью и инстинктивным торможением внутривидовой агрессии, обеспечивающий жизнеспособность животных популяций. По законам природы эти химерические существа должны были друг друга уничтожить и, похоже, были близки к такому финалу. Согласно наиболее фундаментальной гипотезе, выжить и положить начало новому витку эволюции смогла небольшая популяция с патологическими изменениями в психике. Невротический страх мертвых послужил первым искусственным ограничителем агрессии и импульсом к биологически бессмысленной заботе о больных и раненых сородичах.

С тех пор существование гоминид (включая неолитов — людей современного вида) не имело естественных гарантий. Жизнеспособность коллективов определялась отношением между последовательно возрастающей возможностью разрушений и способностью к ограничению агрессии.

Исследование антропогенных кризисов разного масштаба, различной географической и исторической локализации позволило вывести системную зависимость между тремя переменными: технологическим потенциалом, качеством культурной регуляции и внутренней устойчивостью общества. *Чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства сдерживания агрессии необходимы для сохранения социальной*

системы. Эта общеисторическая зависимость обозначена как *закон техно-гуманитарного баланса*.

Появление новых технологий обычно влекло за собой всплеск экологической и/или геополитической агрессии, сопровождавшийся эйфорией всемогущества и вседозволенности. В результате кризисные тенденции обострялись, а за ними чаще всего следовала катастрофическая фаза. В этой фазе интенсифицировались конкуренция и отбор, происходила «отбраковка» разбалансированных социумов (многие очаги цивилизации пали жертвой собственного могущества), и на передний план выдвигались общества, способные освоить адекватные новым технологиям ценностно-нормативные комплексы. Особенно показательны в этом отношении крутые переломы общечеловеческой истории, следовавшие за масштабными антропогенными кризисами.

Так, драматически, посредством кризисов и катастроф, трагедий и обвалов культура регуляции поведения последовательно восстанавливала баланс с возрастающей мощностью орудий. Специальные расчеты *коэффициента кровопролитности* показывают, что в долгосрочной исторической ретроспективе, с ростом убийной силы оружия и демографической плотности, процент жертв социального насилия от численности населения нелинейно сокращался.

3. Как отмечалось, объем накопленного разнообразия составляет важнейшее условие динамической устойчивости системы. Вместе с тем обращение к закону необходимого разнообразия (фундаментальному обобщению кибернетической теории систем) часто приводило к недоразумениям, так как бесконтрольный рост разнообразия за границей некоторого оптимума снижает внутреннюю управляемость и эффективность динамической системы.

Формальные и неформальные регламентации и санкции за их нарушение, сопровождающие почти все аспекты социального взаимодействия, нацелены на ограничение разнообразия в поведении и даже мышлении людей — без этого общество теряет жизнеспособность. Сложные механизмы, препятствующие бесконтрольному росту видового и поведенческого разнообразия, выработала и природа. В 1980–1990-х годах российские ученые исследовали соотношение разнообразных характеристик в системах любого рода — от космофизических до когнитивных — и механизм изменения этого соотношения в процессе эволюции. В итоге был сформулирован *закон иерархических компенсаций: рост разнообразия на верхнем уровне иерархической организации обеспечивается ограничением разнообразия на предыдущих уровнях*.

Закон иерархических компенсаций сопоставим по предмету и объему с законом необходимого разнообразия и дополняет его.

4. Еще 50 лет назад многие не верили в грядущее наступление XXI века. Нарастание мощи ядерного оружия, числа боеголовок и дальности средств доставки актуализовало угрозу глобальной военной катастрофы, которая предельно обострилась к 1960-м годам. К ней добавились регулярные испытания боезарядов, отравлявшие атмосферу, почву и гидросферу, побочные эффекты мирной атомной энергетики, бесконтрольное разрушение природы развивающейся промышленностью передовых стран и демографическим взрывом в странах третьего мира.

Договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах, заключенный в 1961 году после трудных дипломатических баталий, стал вехой в развитии экологического сознания. Даже те страны, чьи правительства отказались подписать договор (Франция, Китай), вынуждены были постепенно под давлением общественности свести испытания к нулю. В последующем и наивное убеждение в многократной автоматической защищенности

атомных электростанций сменилось адекватным осознанием угроз, что существенно сократило опасность непредумышленных (не спровоцированных террористами) аварий. Впечатляющие успехи принесли локальные, региональные и глобальные экологические меры. Межгосударственные коалиции, не направленные против третьих сил, — мечта гуманистов Нового времени — сделали знаменем эпохи. Экоберегающие психологические установки охватили многие сферы производственной и бытовой активности, дав дополнительный импульс развитию информатики.

Перелом в политическом сознании связан с компромиссным разрешением Карибского, Берлинского и Ближневосточного кризисов. Люди убедились в способности политиков воздержаться от использования наиболее разрушительных средств, и это ослабило катастрофические ожидания. Имеются признаки того, что к концу XX века фаза культурно-психологической привыкания к атомной энергетике успешно завершилась и «классическое» ядерное оружие превратилось из инструмента агрессии в инструмент взаимного сдерживания. Человечество научилось сосуществовать с баллистическими ракетами, так же как в прежние эпохи люди сумели «укротить» (в порядке хронологического убывания) огнестрельное, стальное, бронзовое и дистанционное оружие, грозившее деградацией общества.

Однако избежать ядерной войны удалось ценой переноса глобальных противоречий в русло почти непрерывных локальных войн. В них в общей сложности погибли до 50 млн человек. И только на фоне ожидавшихся (при худшем сценарии) миллиардов жертв, а также благодаря тому, что реальные жертвы были рассредоточены в пространстве и времени, полувековой период мировой политики был назван холодной войной. В действительности жить без «горячих» войн люди по-прежнему не научились.

К XXI веку ситуация стала решительно меняться. С «классического» ядерного оружия реальная опасность сместилась в иную сферу: век оружия массового поражения сменяется веком *знаний массового поражения*. С одной стороны, разрабатываются все более изощренные и дешевые виды оружия, связанные с ядерными минизарядами, нанотехнологиями, робототехникой и геной инженерией. С другой стороны, доступ к информации и образованию во всем мире необычайно облегчается и расширяется. В совокупности эти два фактора ведут к тому, что государства и вменяемые правительства постепенно утрачивают контроль над новейшими технологиями.

При таких обстоятельствах локальные конфликты уже не могут, как в XX веке, служить надежной защитой от глобальной катастрофы. Расчеты показывают, что в современном мире социальное насилие снизилось до беспрецедентно низкого уровня: например, по данным Всемирной организации здравоохранения, среднегодовое число убийств, включая политические репрессии, военные и бытовые конфликты, уступает количеству суицидов. Но чрезвычайно повысилась *чувствительность* людей к насилию (чем и вызвана иллюзия его роста) и, что здесь особенно важно, значительно возросла социальная *цена* его потенциальных последствий. Множащиеся технологии террора делокализуют военные конфликты, делая каждый из них чреватым глобальными последствиями.

До сих пор совершенствование социокультурной саморегуляции сопровождалось драматическим устранением социумов, не сумевших своевременно восстановить нарушенный баланс. Закон техно-гуманитарного баланса предполагает и реальную возможность гибели планетарной цивилизации под обломками собственного декомпенсированного могущества. При этом небывалая скорость

обострения глобальных проблем сочетается с беспримерной скоростью распространения и переработки информации, обеспечивающей способность культуры к динамическим переменам. Соответственно ключевой вопрос эпохи заключается в том, останется ли цивилизация способной совершенствовать механизмы внутреннего и внешнего контроля в соответствии с ускоренно растущими технологическими возможностями, обеспечивая им надежный противовес.

5. Существуют физические, теоретико-системные и психологические основания полагать, что инструментальные возможности управления массэнергетическими процессами принципиально неограниченны, и это открывает перспективу космического распространения интеллекта. Вместе с тем очевидны сценарии саморазрушения цивилизации в обозримом будущем. Ряд концептуальных соображений приводит к выводу об *универсальном естественном отборе* планетарных цивилизаций: на космическую стадию прорываются те из них, которым на всех предыдущих стадиях удалось справиться с последствиями инструментального прогресса; остальные становятся расходным материалом метagalacticкой эволюции.

При этом независимые расчеты свидетельствуют о том, что очередная полифуркационная фаза в развитии Земли наступит не позже середины текущего века. Так что деятельность нынешних поколений определит, окажется ли земная цивилизация в числе фаворитов или «лузеров» универсальной эволюции. Сегодня просматриваются контуры сценария, выводящего события на сохраняющийся («прогрессивный») аттрактор.

6. Фундаментальная задача гуманитарной культуры состояла в том, чтобы *упорядочивать* социальное насилие, по возможности предотвращать его хаотические формы. Это во многом достигалось переносом агрессии на внешний мир: конкурировавшие и сменявшие друг друга *идеологии* надежно обеспечивали деление людей на «своих» и «чужих».

Идеология — *негэнтропийный механизм объединения людей в большие группы путем противопоставления другим людям по признаку приверженности определенному набору сакральных символов*. Символы конструируются посредством мифологизации реальных или вымышленных событий, персонажей, речевых фигур, зрительных образов, наделяемых мистическими смыслами. При бесконечном многообразии сакральных маркеров всем идеологиям по определению присуще в разной мере акцентированное религиозное или квазирелигиозное ядро — объединение единоверцев совместным отвержением неверных, а неизменным спутником идеологического мировосприятия остается реальная или потенциальная война.

В переломных фазах истории совершенствование культурных регуляторов обычно включало расширение групповой идентификации. Так, типичная для палеолита племенная вражда сменялась межплеменными объединениями (вождествами) неолита. В бронзовом веке некоторые вождества дальнейшими захватами образовали города и полиэтничные, но враждебные друг другу государства. Стальное оружие необычайно повысило кровопролитность сражений, и для сохранения передовых цивилизаций потребовался переворот осевого времени, изменивший систему ценностей на огромном пространстве от Иудеи и Греции до Индии и Китая.

В осевое время начали формироваться идеи общечеловеческого единства. Но они оказались чересчур изысканными для рабов и варваров, захлестнувших историческую сцену на спаде первой волны осевого времени и не умевших мыслить мир без хозяина или вождя. Учения, отвергавшие подчинение человека антропоморфной небесной

власти и групповую конфронтацию, были вытеснены на периферию духовной культуры в качестве «избыточного разнообразия». На передний план выдвинулись мировые религии, апеллировавшие к слепой вере, мистическому страху и упованию. Племенные и государственные размежевания сменил пресловутый меч, расчленивший людей по конфессиональному принципу. С распространением мировых религий масштаб групповой идентификации (даже сравнительно с имперскими общностями) в очередной раз увеличился. При этом, однако, внутрисоциальная терпимость к иноверам сменилась беспримерным фанатизмом.

К концу Средневековья с развитием огнестрельного оружия религиозный фанатизм сделался настоящим бичом европейцев. В Тридцатилетней войне погибло до 90 % взрослого мужского населения Центральной Европы. Вестфальский мирный договор и созданная на его основе политическая система на 266 лет избавили Европу от кровопролития, сравнимого с войнами позднего Средневековья. Однако размытые религиозные барьеры стали замещаться национальными, сословными и классовыми: идеология оставалась атрибутом общественного сознания, а война — атрибутом общественного бытия.

Военные, а также производственные технологии второй половины XX века, предельно обнажив угрозу глобальной катастрофы, потребовали неконфронтационных межгосударственных и межклассовых коалиций, образование которых спасло Землю. Но и концепция общечеловеческих ценностей стала «обрастать» идеологическими акцентами, обернувшись в ряде случаев инструментом давления. На противоположном фланге в качестве протеста против вестернизации распространились «цивилизационные» теории, под эгидой которых реанимируются национальный и религиозный фундаментализм.

Негэнтропийный механизм религиозных и квазирелигиозных идеологий тысячелетиями выполнял стабилизирующую функцию. Но по закону эволюционной дисфункционализации на новом этапе истории он себя исчерпал. Идеологическое мировосприятие, изначально ориентированное на упорядочение насилия, не способно решить исторически беспрецедентную задачу, продиктованную развитием технологий, — *устранение насилия из политической жизни*.

В этом заключается одна из коллизий эпохи. Гуманитарное уравнивание быстро развивающихся технологий настоятельно требует освобождения разума от религиозно-идеологических пут, но без них человек чувствует себя неуютно. Можно предположить, что в обозримом будущем либо человеческий (постчеловеческий, человеко-машинный?) разум перерастет инерцию идеологического мышления, либо идеология уничтожит цивилизацию.

В связи с этим оценка глобальных перспектив во многом определяется ответами на два вопроса. Первый: возможны ли в принципе стратегические смыслообразующие мотивы в последовательно светском контексте? Приняв, что смыслообразование в конечном счете непременно сходится на (квази)религиозной установке по логике априорных идей, мы не можем избежать печального вывода. Существует некоторый предел технологического развития, достигнув которого всякая планетарная цивилизация саморазрушается, и эволюция на Земле вплотную приблизилась к этому пределу. В этом случае превращение интеллекта в космический фактор, допустимое с точки зрения физики, синергетики и эвристики, запрещено законами социальной психологии, поскольку возможности внешнего управления превосходят диапазон интеллектуальной саморегуляции. Соответственно жизнь, культура, разум суть эпифеномены некоторой стадии развития

физической Вселенной, которым в принципе не суждено играть в ней какую-либо активную роль.

При положительном ответе на первый вопрос уместно полагать, что способность освоить стратегические смыслы вне (квази)религиозного контекста является условием космического распространения той или иной цивилизации на данной стадии универсального отбора. А «молчание» Космоса может свидетельствовать о том, что либо ни одна из цивилизаций Метагалактики пока не достигла необходимого уровня развития, либо ни одна из развившихся ранее цивилизаций не прошла теста на светское (критическое) смыслообразование. Отсюда возникает второй вопрос: успеет ли земная цивилизация достигнуть интеллектуального совершеннолетия прежде, чем сползание к пропасти станет необратимым?

Какие смыслообразующие стратегии могли бы сыграть ключевую роль новых мировоззренческих ориентиров — тема отдельного обсуждения. Повод для надежды дает то обстоятельство, что элементы последовательно светского мировоззрения накапливались в мировой философской мысли на протяжении 2,5 тыс. лет. Они присутствуют в учениях античных и китайских философов у истоков осевого времени, арабских зиндиков X века, гуманистов Возрождения, прогрессистов и просветителей Нового времени, материалистов пантеистического направления, агностиков и скептиков.

Великие мыслители, отвечая на запросы своих эпох, искали основания нравственности, свободной от потусторонних оценок и санкций, опорные линии жизнедеятельности, выводящие за рамки индивидуального существования без апелляции к служению небесным повелителям или коллективному тотему, духовности без мистики и солидарности без конфронтации. Идеи, не оцененные по достоинству большинством современников, теперь становятся по-настоящему востребованными историей, и их

«избыточное разнообразие» могло бы составить каркас нового мировоззрения.

Материальным фактором расшатывания религиозно-идеологических установок становится широкое распространение компьютерных сетей с параллельным совершенствованием механизмов и языков представления информации. Под их влиянием линейное («книжное») мышление сменяется мышлением «мозаичным» и паллиативным, менее склонным к оперированию догмами. Размываются границы государств, конфессий и региональных «цивилизаций»: интенсивность индивидуальных контактов все менее определяется географическим фактором.

Этот процесс объективно ведет к сетевой организации мирового сообщества, ограничению разнообразия и отмиранию *макрогрупповых* культур, всегда выстроенных по схеме «они-мы». В соответствии с законом иерархических компенсаций *унификация базовых ценностей и норм создает предпосылку для растущего разнообразия микрогрупповых культур*, построенных на общности актуальных интересов, многократно переплетающихся, а потому по сути неконфронтационных и не нуждающихся в идеологической «склейке».

Противоречие двух тенденций — реанимация фундаментализма, «религиозный Ренессанс», с одной стороны, и глобализация с размыванием макрогрупповых размежеваний — с другой, — составляет лейтмотив нынешнего этапа мировой истории. Если диалог культур не устремлен к становлению единых космополитических и надрелигиозных оснований, то он непременно дрейфует к «шовинистическому» полюсу. Эффективную альтернативу глобальной катастрофе составляет только мышление, освобожденное от макрогрупповых идентификаций. От того, как быстро такое мышление будет распространяться, во многом зависит судьба цивилизации на Земле.